

АПЕКС 2292:

— тень Эдема —

Григорий Кирьянов

Апекс 2292: тень Эдема

<https://litres.ru/74266947>

SelfPub; 2026

Аннотация

Представьте себе мир, в котором десять тысяч человек заперты в бетонном мега-комплексе «Апекс», намертво врытом в скальную породу южноафриканского плато. Поколениями их учат одному, снаружи - лишь смертельная радиация, выжженная пустошь и затопленные материки. Людьюми движет страх перед внешней угрозой и вера в то, что их бетонная тюрьма - это спасение. Необходимо усердно трудиться, не нарушать порядок и следовать правилам во благо общества, чтобы однажды, как обещает «Создатель», выйти на зелёные луга под голубым небом.

Содержание

Глава 1. Горячая стена	4
Глава 2. Расписание страха	15
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Григорий Кирьянов

Апекс 2292: тень Эдема

Глава 1. Горячая стена

Сирена пропела вечерний цикл в семь часов десять минут, как и всегда, и Кира, не поднимая головы от щита, отметила про себя: минута в минуту. За двести шестьдесят шесть лет в Апексе никто ни разу не слышал, чтобы сирена соврала.

Нижний ярус Энергетической фракции не знал ни утра, ни ночи, только смену цикла на цикл, и жёлтые лампы под потолком горели одинаково ровно - что после отбоя, что перед ним. Но режим у Апекса был железный: с вечерним циклом основная часть комплекса расходилась спать по Обители, и только Энергетическая держала ночной дежурный пост, потому что без света комплекс не может простоять и часа. Несколько раз в неделю в эту ротацию назначали Киру, и сегодня был как раз такой цикл. Она любила эти ночные смены. Народу здесь почти не бывало, только гул трансформаторных боксов, только запах ржавчины и машинного масла, въевшийся в бетон так глубоко, что его, наверное, можно было бы соскоблить только вместе со стеной.

На повороте к лестничному пролёту, там, где коридор выходил к техническому шлюзу, кто-то из прежних смен на-

клеил старый пропагандистский плакат: зелёный луг, голубое небо, дети, взявшись за руки, бегут к горизонту. Углы плаката давно отклеились и загнулись от сырости, а сам он выцвел настолько, что зелень луга стала почти серой, почти под цвет стены вокруг. Кира проходила мимо него минимум трижды за смену и давно перестала его замечать, как перестаёшь замечать собственное дыхание. Только иногда, в самом конце цикла, когда усталость делала мысли тупее, чем следовало, она ловила себя на том, что смотрит на выцветшую траву чуть дольше, чем нужно, и спрашивает себя, знает ли вообще кто-нибудь в Апексе, как трава выглядит на самом деле.

Она шла вдоль ряда распределительных коробок с планшетом обхода в руке, проверяя изоляцию силовых кабелей одну секцию за другой, и пальцы у неё уже задеревенели от холода, а спина ныла от третьего часа в напряжении.

Это была её работа. Не просто обязанность, а служение во благо общества, так им говорили с детства, и Кира давно перестала спрашивать себя, верит она в это слово или просто устала с ним спорить. Девять фракций Апекса, единый организм, и каждый человек его составляющая. Агро Фракция кормит. Гидро-насосная поит. Её Фракция - Энергетическая, даёт свет и тепло. Кира проверяет, чтобы комплекс не замёрз в темноте, вот и всё, вот и вся философия, которой хватало на смену.

- Тридцать первая, тридцать вторая. - Она присела у щита

номер тридцать три, откинула защитную пластину, провела лучом фонарика по клеммам, отметила галочку в планшете. Всё было в порядке, всё было предсказуемо скучно, и именно эта скука в последнее время казалась ей самой ценной вещью в жизни. Пока всё предсказуемо, пока цифры сходятся, пока изоляция цела, ничего плохого случиться не может. Так она это для себя формулировала, хотя, конечно, знала, что это неправда. С родителями тоже всё было предсказуемо, пока не перестало.

Работать на совесть у неё получалось лучше, чем у большинства, и дело было не в талантах, а в упрямстве: если Кира брала участок, она держала его в голове весь, целиком, каждый элемент, потому что так было проще, чем позволить себе о чём-то не думать. Диспетчеры это ценили и не спорили, когда она задерживалась на обходе дольше положенного. В кармане комбинезона у неё, как и десять лет назад, лежал крошечный моток изоленды, в её работе давно бесполезный, потому что изоленду заменили современными муфтами, привычка, оставшаяся с тех пор, когда она перематывала Илаю разбитые в кровь костяшки после его вечных падений в архивных коридорах. Она давно могла бы выбросить этот моток. Но не выбрасывала.

Она поднялась, у неё хрустнуло в колене, и она на мгновение прислонилась к стене, чтобы просто перевести дух и дать пояснице разогнуться.

Ладонь обожгло.

Кира отдёргнула руку так резко, что чуть не выронила фонарик. С секунду она смотрела на собственную ладонь, будто ожидала увидеть на ней след, хотя ничего, конечно, не было, только пульсирующее ощущение.

Она снова прижала ладонь к стене, уже осторожнее, кончиками пальцев. Тепло. Не тёплое, а именно горячее, градусов пятьдесят, и это тепло не гуляло по поверхности, как бывает, когда рядом проходит труба отопления, оно шло изнутри, из самой толщи бетона.

Это не имело никакого смысла. Она провела рукой левее, правее, вверх, вниз, вычерчивая невидимый контур. Пятно тепла было ровным, ограниченным, почти два метра в ширину, и обрывалось резко, будто кто-то очертил его линейкой.

Первая мысль, разумная, привычная: прорыв теплоцентрали. Но здесь, на нижнем ярусе Энергетической, не проходило ни одной трубы отопления, Кира знала это так же твёрдо, как собственное имя, она обходила этот коридор минимум раз в неделю два года подряд и могла бы начертить его схему с закрытыми глазами. Вторая мысль: короткое замыкание где-то в стене. Но бетон не проводит электричество, это она тоже знала твёрдо, и потом, короткое замыкание грелось бы иначе, рывками, а не так, ровно и постоянно, будто внутри стены годами работает что-то, что никогда не выключают.

Она прижала ухо к бетону, у самого края тёплого пятна, и затаила дыхание, вслушиваясь. Сквозь привычный гул

трансформаторных боксов позади себя, сквозь стук собственной крови в ушах, ей почудился ещё один звук - низкий, ровный, на самой границе слышимости, похожий не на гудение проводки, а скорее на дыхание, если бы у стен было дыхание. Она тут же одёрнула себя за эту мысль: стены не дышат, это просто перепад давления в вентиляции где-то дальше по контуру, обычное дело, слышала она такое и раньше. Хотя нет, не совсем такое. Раньше это было тише.

Она достала из планшета схему участка, включила подсветку. Серые линии, пронумерованные боксы, ни одной отметки в этом месте. Пусто. Просто бетон, согласно документу, просто несущая стена без единой коммуникации внутри.

- Так не бывает, - тихо сказала она вслух, просто чтобы услышать собственный голос среди гула трансформаторов.

Впрочем, она тут же одёрнула себя. Не бывает того, что записано в схеме. А что на самом деле бывает и чего не бывает, схема знать не обязана, схема это просто бумага, а бумагу составляют люди, а людям свойственно записывать не всё.

Она присела на корточки перед стеной там, где тепло ощущалось сильнее всего, и присмотрелась к фальшполу под ногами. Металлическая плита, четыре винта по углам, ничем не отличается от соседних плит, если не приглядываться. Но если приглядеться, можно было заметить, что у этой плиты чуть сбита краска по краю, будто её снимали и ставили обратно не один раз, аккуратно, но не идеально аккуратно, не заводской монтаж.

Сердце у неё забилося чаще, и Кира разозлилась на саму себя за это. Ну вскрыла бы она эту плиту, ну увидела бы очередной технический узел, который забыли внести в документацию, мало ли таких по всему Апексу за двести с лишним лет. Ничего особенного. Она уговаривала себя так настойчиво, что должна была понять: ничего особенного там быть не может, а иначе зачем так уговаривать.

Она открутила четыре винта отверткой, достала из набора инструментов узкий ломик, вставила его в щель у края плиты, надавила. Плита поддалась не сразу, и наконец с сухим скрежетом отошла.

Внизу, в неглубокой технической нише, шли кабели.

Кира замерла, наклонившись над проёмом, и несколько секунд просто смотрела, не двигаясь, будто боялась, что стоит моргнуть, и картинка изменится на что-то более скучное и объяснимое.

Толстые, в руку толщиной, кабели, обмотанные чёрной изоляцией без единой царапины, без единого следа старения, хотя всё остальное в этом коридоре носило отпечаток двух с половиной веков эксплуатации. Новые. Совсем новые, будто их проложили не то что вчера, но с той тщательностью, которая исключает случайность. Они уходили от края ниши прямо в толщу стены, туда, где, если верить схеме, вообще ничего не было, кроме бетона и земли за ним.

Она провела пальцем вдоль ближайшего кабеля, просто ощущая ладонью его гладкость. Тепло здесь было заметно

сильнее, и Кира впервые в жизни, стоя на коленях в собственном коридоре, который знала лучше, чем свою каморку, почувствовала себя чужой в месте, где работала два года.

Первым порывом было вызвать диспетчера по связи, доложить о находке, как полагалось по инструкции при любом отклонении от документации, для того диспетчерская смена и существовала, чтобы фиксировать такие вещи и передавать выше. Кира уже потянулась было к нагрудному передатчику, пальцы легли на кнопку вызова, и тут она остановилась, сама не понимая почему. Может быть, потому что вспомнила, как две недели назад пропала без объяснений женщина из Ресурсной, просто перестала выходить в столовую, а на все вопросы отвечали одно и то же слово: переведена.

Может быть, потому что кабели были спрятаны так тщательно, что сама эта тщательность уже была ответом: кто-то очень не хотел, чтобы это нашли, и вряд ли этот кто-то обрадуется, узнав, что это случилось. Она убрала руку от передатчика. Доложить она всегда успеет. А вот забрать доклад обратно, если окажется, что докладывать не следовало, она не сможет уже никогда.

Она ведь электромеханик. Старший электромеханик, между прочим, ей доверяли обходы, которые не доверяли никому младше тридцати. Она знала каждую жилу этого яруса. И вот перед ней лежало нечто, чего просто не могло быть, потому что она бы знала.

- Кто вас сюда провёл, - прошептала она кабелям, будто те могли ответить.

Мысли заматались быстро, слишком быстро, обгоняя одна другую. Может быть, это техническая линия Совета, о которой рядовым работникам знать не положено. Может быть, экспериментальная система, которую испытывают втихую. Может быть, просто старая забытая проводка, которую однажды заменили на новую изоляцию, не меняя маршрут, и никто не потруился обновить документацию.

Каждое из этих объяснений было по-своему разумным. И каждое, стоило ей произнести его про себя до конца, начинало казаться неправдой, потому что ни одно не объясняло главного: зачем прятать это так тщательно. Зачем вести кабели именно здесь, в глухой нижней части яруса, куда рядовые обходчики заглядывают раз в неделю, а не в местах, где идёт основная магистраль.

Она вытащила из кармана планшет и, торопясь, зарисовала направление кабелей, насколько могла видеть, отметила примерный азимут в толще стены. Если пройти вдоль этой линии по верхнему коридору, прикинула она, кабель должен вести куда-то в сторону центра комплекса. В сторону Совета. Или ещё дальше.

Мысль о том, что может быть ещё дальше, она отогнала, потому что дальше в этом направлении, по всем известным ей картам, не было ничего. Просто скальная порода плато, в которую врезан весь комплекс Апекс, и больше ничего, до

самой поверхности.

Кира сидела на корточках у открытого проёма дольше, чем следовало, забыв про планшет обхода, про недопроверенные щиты, про то, что через сорок минут ей полагается сдать отчёт дежурному диспетчеру.

Она уже почти решилась разрезать основную изоляцию кабеля прямо здесь, чтобы замерить жилы, когда сверху, с лестницы, ведущей на средний ярус, донеслись шаги.

Чужие. Ровные, тяжёлые, слишком мерные для случайного техника, который мог бы забрести сюда по своим делам. Такой шаг Кира слышала только у одних людей во всём Апексе.

Патруль Надзора.

Здесь. На нижнем ярусе Энергетической, куда Надзор не заглядывал месяцами, потому что заглядывать сюда было попросту незачем, кроме плановых проверок раз в квартал, о которых всегда предупреждали заранее.

Шаги приближались, ровные, безразличные, и Кира на секунду позволила себе подумать, что это просто совпадение, что патруль идёт мимо, что где-то наверху сработала случайная тревога и это никак не связано с ней, с этой стеной, с этими кабелями. Но тут же одёрнула себя: совпадений не бывает там, где несколько минут назад она обнаружила то, чего по документам не существует.

Она рванулась к открытому проёму, поспешно нащупала выпавший из паза край металлической плиты, вдавила её на

место, придавила коленом, чтобы села плотнее. Швы совпали не идеально, чуть сбились, но переделывать было некогда, шаги были уже на середине лестницы. Она сгребла фонарик, планшет, ломик, вскочила на ноги.

Сирена вечернего цикла давно отпела своё, коридор был пуст, тускло-жёлтый свет ламп падал ровными полосами на бетонный пол, и по этому полу, отсюда, снизу, было слышно уже отчётливо: двое, не меньше, идут не торопясь, но и не как обычный обход, размеренно, почти демонстративно, будто хотят, чтобы их услышали заранее.

Кира замерла у щита номер тридцать три, прижав планшет к груди так, что тот больно упёрся углом в рёбра, и медленно, очень медленно опустила взгляд на пол у стены, туда, где едва заметно, если приглядеться, всё ещё расходились в стороны свежие полосы содранной пыли вокруг плиты, которую она только что закрыла в спешке.

На то, чтобы убрать эти следы, времени уже не было. Осталось одно - идти навстречу, как будто ничего не произошло, потому что бегущий обходчик вызывает куда больше вопросов, чем обходчик, который просто закончил смену. Она заставила себя разжать зубы, выровнять дыхание. Ноги слушались плохо, будто отсиженные, но она заставила их идти, шаг за шагом, к подножию лестницы, туда, откуда доносился свет двух фонарей, качающийся из стороны в сторону в такт шагам.

Она уже почти успела придумать, что скажет, если спро-

сят, рутинный обход, задержалась на тридцать третьей секции, где барахлит изоляция, обычное дело, слова выстраивались в голове гладко, и от этой гладкости ей самой стало не по себе, потому что так гладко врать умеют только те, кто делает это не в первый раз, а она делала это в первый раз в жизни.

Луч фонаря скользнул по ступеням вниз и на мгновение замер прямо на её лице, слепя.

Шаги остановились на верхней площадке лестницы.

Глава 2. Расписание страха

Луч фонаря держал её лицо секунды три, не больше, но Кире они показались длиннее, чем весь обход целиком.

За эти три секунды она успела передумать всё сразу, что скажет, если её поведут на допрос, что будет с ней, и, совсем не вовремя, до нелепости не вовремя, что забыла отметить в планшете последнюю проверенную секцию. Мысли метались, натываясь одна на другую, и она усилием заставила себя не думать вовсе, просто стоять, просто дышать ровно, потому что лицо человека, который отчаянно старается не выдать страха, само по себе выдаёт страх лучше любых слов.

- Обходчик, назовите участок, - голос сверху был мужской, без выражения, тот особый безличный тон, которым надзиратели разговаривают с людьми не своей фракции.

- Тридцать третья секция, нижний ярус, - она заставила голос звучать устало, буднично, именно так, как звучал бы голос человека, которому нечего скрывать, кроме собственной усталости. - Барахлит изоляция на щите. Задержалась дольше графика.

Луч соскользнул с её лица на планшет в руках, на комби-

незон. Секунда, вторая. Кира слышала собственное сердце так отчётливо, будто оно билось не в груди, а прямо в ушах.

- Пропуск, - сказал второй голос, помоложе, нетерпеливее.

Она протянула карточку. Надзиратель наверху щёлкнул по ней ручным сканером, подождал зелёный отклик, вернул не глядя.

- Свободна. В следующий раз укладывайтесь в график.

Они пошли дальше, не оборачиваясь, двое тёмных силуэтов, чей ровный шаг растворился в гуле трансформаторных боксов за поворотом. Кира осталась стоять, чувствуя, как по спине наконец прокатывается настоящий, запоздалый холод, тот, что приходит не в момент опасности, а через минуту после неё, когда тело наконец разрешает себе испугаться.

Ей вдруг подумалось, что она не запомнила лиц. Только голоса, только жёлтые полосы фонарей на бетоне. Так, наверное, лучше. Меньше запоминаешь, меньше боишься вспомнить не то.

Отчёт дежурному диспетчеру она сдала вовремя, минута в минуту, как и полагается человеку с её репутацией. В графе «отклонения» написала одно слово: «нет». Ручка на миг

зависла над бумагой, будто сама сомневалась в этом слове больше, чем Кира, но рука в итоге дописала до конца. Доложить она всегда успеет, повторила она себе то, что решила часом раньше у открытого проёма. Просто не сегодня.

Утренний цикл начался, как всегда, с sireны и с голоса.

Кира едва успела задремать в своей каморке, привалившись к стене под тусклой аварийной лампой, которая горела над дверью что днём, что ночью, когда динамик в коридоре ожил знакомым потрескиванием, и по всем девяти фракциям одновременно разнёсся голос Создателя.

- Доброго цикла, дети мои.

Она не открыла глаз. Она знала этот текст наизусть, как и всякий житель Апекса старше десяти лет, и могла бы проговорить его вместе с диктором слово в слово, но что-то в ней всё равно каждый раз вслушивалось, будто ждало, что однажды слова окажутся другими.

- Наши предки построили этот комплекс, чтобы спасти нас от радиации, - голос лился ровно, с той особой тёплой хрипотцой, которую сама Кира про себя называла отеческой, хотя ни разу не видела Создателя ближе, чем с балкона до задних рядов площади. - Мы - последняя надежда челове-

ства. Каждый день труда - это ещё один день, приближающий нас к свободе. Если каждый будет соблюдать порядок, работать, поддерживая жизнеобеспечение комплекса на благо общества, однажды мы все выйдем наружу, в свободный и прекрасный мир.

Динамик всхлипнул статикой и умолк. В коридоре завопили соседи, зашаркали шаги в сторону умывален, кто-то закашлялся, кто-то выругался вполголоса на позднюю побудку. Обычное утро. Кира открыла глаза, посмотрела на низкий бетонный потолок своей каморки и вдруг с необычной ясностью подумала, что за двадцать два года жизни ни разу не задавалась вопросом, сколько будет длиться это «однажды». Год. Десять лет. Пошел уже двести шестьдесят шестой год, с момента запуска комплекса.

На соседней койке заворочалась Пиа, работница Фракции Снабжения, с которой Кира делила каморку с прошлой перестановки жилых блоков, молодая, тихая, из тех, кто искренне верил каждому слову с балкона. Она села, зевнула, машинально провела рукой по стене, будто проверяя, на месте ли выключатель, которого там никогда не было, и сонно сказала:

- Опять про свободный мир. Хоть бы раз что-то новое сказал.

- Может, однажды скажет, - отозвалась Кира.

- Может, - Пиа зевнула снова и принялась натягивать рабочий комбинезон. - Хотя знаешь, а мне нравится. Успокаивает. Как будто он, правда всё держит под контролем.

Кира промолчала. Спорить с Пиа было бессмысленно.

Впрочем, сейчас было не время думать об этом. Сейчас было время идти в столовую, потому что если она не встанет в очередь в первые двадцать минут утреннего пайка, достанется то, что останется.

Столовая в утренний цикл гудела, как растревоженный улей. Здесь встречались две ротации разом, те, кто сдавал ночную смену валясь с ног, и те, кто заступал на дневную бодрчком, и звук стоял такой, что отдельные голоса тонули в общем гуле, оставляя только настроение зала.

Кира протиснулась между длинными столами, минуя знакомые и незнакомые лица. Ночная ротация сидела осунувшаяся, доедая молча, лишь бы поскорее добраться до коек. Дневная, наоборот, гомонила, обменивалась новостями, которые накопились за половину суток врозь, у кого в Гид-

ро-насосной прорвало старую трубу, кому в Снабжении повысили выработку, кто выиграл в вечернюю партию в кости у соседей по бараку. Именно здесь, в этой ежедневной толчее двух миров, встречающихся на пятнадцать минут дважды в сутки, и рождались все слухи Аpekca, а потом расплзались по коридорам быстрее, чем любое официальное объявление с балкона Совета.

Марта стояла за раздаточным столом, широкая, красная от пара, с половником в руке, и, как обычно, ворчала на каждого, кто задерживал очередь дольше положенных секунд.

- Живее, живее, у меня не резиновый паёк, - говорила она, шлёпая в миски серую кашу с редкими вкраплениями чего-то зелёного, что называлось в меню «гидропонной зеленью», а по вкусу больше всего напоминало варёную траву.

Когда очередь дошла до Киры, Марта на мгновение задержала половник над её миской чуть дольше обычного и, не глядя ей в глаза, тихо, себе под нос, будто просто ворчала дальше по привычке, сказала:

- Слышала про Дору из Агро?

- Нет, - Кира напряглась, не подавая виду. - А что с ней?

- Не вышла на цикл третий день подряд. В списках значится - переведена. - Марта наконец подняла глаза, и в них на секунду мелькнуло что-то, чего Кира прежде у неё не видела, не любопытство, а осторожность. - Переведена, - повторила она это слово с нажимом, будто взвешивала его на языке и находила слишком лёгким для того смысла, который оно должно было нести. - Хорошая была работница. Тихая.

Она пихнула миску Кире в руки чуть резче, чем требовалось, и уже громко, для всей очереди, крикнула следующему:

- Не спи на ходу, за тобой ещё сотня голодных!

Кира отошла к дальнему столу, села спиной к стене, как делала всегда, и принялась за кашу, почти не чувствуя вкуса. Дора из Агро. Ещё одно имя. Она попыталась вспомнить, слышала ли раньше это имя, и не смогла. В Апексе десять тысяч человек, и вычеркнуть одно из них так, чтобы никто, кроме соседей по бараку, не заметил, было не труднее, чем стереть меловую запись с грифельной доски.

Она подумала о горячей стене. О чёрных, слишком новых кабелях. О том, что «переведена» - слово, которое она слышала второй раз за месяц, и оба раза оно означало одно и то же, человек был, и человека не стало, а вопросов задавать не полагалось.

За соседним столом двое парней из Гидро-насосной громко спорили о вчерашней партии в кости, не замечая ничего вокруг, и Кира позавидовала им этой лёгкости, будто зависти было мало во всей остальной её жизни. Ей вдруг захотелось встать, подойти к ним, сесть рядом и говорить о костях, о пайке, о чём угодно, лишь бы не думать ни минуты больше о словах вроде «переведена». Она этого не сделала. Доела кашу до последней ложки, как учили с детства и отнесла миску в мойку.

В Архив она пошла сразу после смены, не заходя в каморку, хотя тело гудело от усталости. Архив занимал целый уровень в глубине комплекса, заставленный стеллажами со старыми папками, дискетами, распечатками, которые давно никто, кроме Элиаса, не читал, и пах пылью и сухой бумагой так плотно, что запах, казалось, оседал на языке.

Элиас сидел на своём привычном месте, в дальнем углу, перебирая пальцами края потрёпанной картонной папки. Он не обернулся на звук её шагов, он никогда не оборачивался, слух заменял ему зрение давным-давно, но плечи его чуть напряглись, будто он узнал её походку прежде, чем она успела заговорить.

- Кира, - сказал он. - Ты сегодня тяжелее ступаешь. Что-то случилось?

- Случилось, - она опустилась на низкий ящик рядом с ним, тот, на котором сидела всегда, когда приходила сюда за утешением или советом. - Ночью на обходе я нашла кое-что странное. В стене нижнего яруса Энергетической. Кабели, которых нет ни на одной схеме. Совсем новые. И стена от них горячая, будто там годами что-то работает.

Пальцы Элиаса замерли на краю папки.

- Куда они ведут? - спросил он, и голос его прозвучал иначе, чем обычно, суше, тише, будто он специально не давал ему дрогнуть.

- В сторону Совета, кажется. Может, дальше, - повторила она. - А почему ты спрашиваешь про направление?

- Мало ли, - он качнул головой чуть быстрее, чем следовало. - Направление всегда интересно. Даже если не знаешь, что по проводу течёт.

Он снова взялся за папку, и на мгновение, прежде чем пальцы нашли привычное место на потрёпанном картоне, они замерли в воздухе, будто сами не знали, куда себя деть.

Кире почудилось, что он хочет что-то сказать, что слово уже поднялось у него в горле и застряло там, не находя выхода, но он промолчал, и момент, если он вообще был, ушёл так же незаметно, как пришёл.

- Не знаю. В сторону центра, кажется. - Кира подалась вперёд. - Элиас, ты здесь дольше всех, кого я знаю. Ты хоть раз слышал о подземной линии, которая не значится в документах?

Он молчал так долго, что Кира уже подумала, не заснул ли он сидя, как иногда с ним бывало. Потом покачал головой.

- Нет, - сказал он. - Не слышал.

Это была ложь. Кира не могла бы объяснить, откуда она это знает, может быть, по тому, как он произнёс слово, слишком быстро, без обычной для него шероховатой задумчивости, но знала это. Она просто кивнула, будто поверила.

- Ладно, - сказала она. - Просто спросила.

- Держись подальше от этого, - произнёс он вдруг, резко, и это тоже было на него не похоже, он никогда не говорил так жестко. - Мало ли что там гудит. Может быть, старая линия резервного питания, которую забыли снять с баланса. Не

всё в этом комплексе имеет значение, Кира. Большая часть - просто мусор, который никто не убрал за двести лет.

- Может быть, - сказала она, хотя не поверила ни единому слову.

Она посидела ещё немного, слушая, как он снова принялся перебирать страницы, будто разговор исчерпал себя, хотя обоим было ясно, что это не так. Уходя, она обернулась в дверях и увидела, что он сел и сидит, неподвижно, сложив руки на коленях, лицом к стене, которую не мог видеть уже двадцать лет.

Она вышла в коридор Архива и ещё долго шла между стеллажами, прежде чем позволила себе задуматься о том, что только что произошло. Элиас никогда ей не лгал. За десять лет, что она приходила к нему со всем, что не могла сказать никому другому, он бывал резким, бывал уклончивым, один раз даже отказывался с ней разговаривать три дня подряд после того, как она чуть не полезла в драку с надзирателем из-за пустяка, но не лгал. И то, что он солгал сейчас, коротко, неумело, слишком быстро для человека, который обычно взвешивал каждое слово, тревожило её едва ли не больше, чем сама горячая стена. Значит, было что-то, ради чего Элиас готов был солгать ей в лицо. А единственное, что приходило Кире в голову как причина настолько серьёзная,

это страх.

Обратно к Обители она пошла коротким путём, через переход, соединявший Архив с окраиной Энергетической, тем самым, что вёл мимо нижнего яруса, где она вчера нашла стену. Она не собиралась туда заходить, просто дорога лежала рядом, и что-то в ней, упрямство, а может, простое желание убедиться, что стена никуда не делась, что вчерашнее не приснилось, заставило её замедлить шаг у поворота к лестнице.

И тут она увидела заграждение.

Жёлтая лента, натянутая поперёк входа на нижний ярус, косо перечёркивала коридор, а перед ней, скрестив руки, стояли двое надзирателей в полной броне, и третий разговаривал по рации, повернувшись к ней спиной. Табличка на переносной стойке гласила сухо и коротко: «Плановые технические работы. Проход закрыт до дальнейших распоряжений».

Плановых работ на этом участке не было. Кира знала расписание технического обслуживания наизусть, оно составлялось на квартал вперёд и вывешивалось в диспетчерской за две недели, а не появлялось на следующее утро после того, как она вскрыла фальшпол.

Она замедлила шаг, потом заставила себя пойти ещё медленнее, чтобы не выглядеть так, будто спешит обратиться подальше. Мимо неё прошли двое работников Ресурсной, недовольно бурча про то, что теперь придётся делать крюк через верхний ярус, и их будничное раздражение странным образом немного успокоило её, если бы случилось что-то по-настоящему серьёзное, подумала она, вряд ли рядом позволили бы ходить кому попало, пусть даже кружным путём.

Она подошла чуть ближе, не больше, чем позволил бы себе любой обычный прохожий из простого любопытства, и прочитала табличку ещё раз, будто хотела убедиться, что не ошиблась в первый раз. «Плановые технические работы. Проход закрыт до дальнейших распоряжений». Ни номера наряда, ни подписи ответственного техника, ни печати диспетчерской, ничего из того, что полагалось указывать по инструкции на любой официальной табличке в Апексе. Для человека, не знающего внутренних порядков, это ничего бы не значило. Для старшего электромеханика это значило, что табличку составили в спешке люди, которым ни разу в жизни не приходилось закрывать участок по-настоящему планово.

Она замерла у поворота, стараясь выглядеть так, будто просто идёт мимо. Один из надзирателей у ленты повернул голову в её сторону, и на долю секунды ей показалось, что

под шлемом блеснул знакомый шрам над бровью.

Сердце у неё оборвалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.